

Эмоциональная география и культурное пространство города: как конструируется личная и коллективная «карта памяти» горожанина в эпоху реноваций

Научный руководитель – Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович

Юсупханова Карина Руслановна

Студент (бакалавр)

Уфимский университет науки и технологий, Факультет философии и социологии, Уфа, Россия

E-mail: yusupkhanovak@gmail.com

Современный город для человека - это не просто конгломерат зданий и улиц, а сложная система смыслов, воспоминаний и повседневных практик, «наложенных» на физическую карту. Разные точки городского пространства обладают для людей неравной ценностью: одни - сакральные, другие - травматичные, третьи - связаны с теплыми воспоминаниями, а четвертые - нейтральные (транзитные). В эпоху активных реноваций, когда облик городов меняется стремительно, вопрос о сохранении идентичности горожанина становится особенно острым. Снос старых кварталов часто игнорирует тот факт, что город - это не только физическое, но и эмоциональное пространство, хранящее личную и коллективную память жителей. Цель работы - рассмотреть, как в условиях городских преобразований конструируются эмоциональные связи человека с местом.

Ключ к пониманию этих процессов дает теория социального производства пространства Анри Лefевра. Он выделял три типа пространства: воспринимаемое (физическое), концептуализируемое (мир идей о том, как оно должно выглядеть) и, главное, проживаемое - пространство повседневной жизни, связанное с образами и символами [5]. Именно оно делает город «своим»: житель вступает с инфраструктурой в диалог, наделяя локацию интимными смыслами.

Этот диалог находится в фокусе эмоциональной географии. Американский географ И-Фу Туан в 1974 году предложил термин «топофилия» для описания позитивной связи с местом, формируемой через сенсорный опыт. Британский архитектор Кристофер Дэй идет дальше, утверждая, что качество среды напрямую влияет на душевное состояние человека: разрушение обжитого ландшафта может переживаться как экзистенциальная катастрофа [3]. Старый двор с его фактурой, запахами и звуками — это не просто локация, а часть идентичности.

Эмпирические исследования подтверждают сложный характер этих связей. Так, Т.В. Жигальцова, изучая эмоции пожилых жителей «депрессивных» территорий Архангельской области, выявила, что их эмоциональное пространство даже в условиях упадка окрашено положительными эмоциями — радостью, комфортом и гордостью [4]. Это позволяет усомниться в прямом отождествлении физического неблагополучия территории с эмоциональной «депрессивностью» её жителей.

Однако индивидуальный опыт укоренен в коллективном. Еще Морис Хальбвакс показал, что воспоминания держатся за счет социальных рамок — групп, к которым принадлежит человек [8]. Пьер Нора развил эту традицию, говоря о «местах памяти» (*lieux de mémoire*) — точках кристаллизации коллективного прошлого [6]. В городе ими становятся не только официальные мемориалы (архивы, музеи, памятники), но и дворы, старые кинотеатры, заводские проходные. Эти места цементируют сообщество, создавая общее символическое поле.

В эпоху реноваций эти узловые точки находятся под угрозой. Ян Ассман, разграничивая коммуникативную и культурную память, подчеркивал важность материальных носителей для передачи опыта [1]. Когда исчезает старая школа или квартал, исчезает и возможность естественной передачи локальных смыслов новым поколениям. На месте обжитой среды зачастую появляется абстрактное пространство, спроектированное под усредненного пользователя. Е.Г. Трубина в работе «Город в теории» предупреждает о травматическом эффекте таких преобразований: жители теряют ориентацию, привычная система координат разрушается [7]. В.Л. Глазычев, рассуждая о «городе без границ», отмечал, что подлинная среда формируется веками, а искусственные «спальные районы» лишены идентичности и не способствуют формированию привязанности [2].

В этой связи особую значимость приобретают исследования, детализирующие, какие именно аспекты среды порождают те или иные эмоции. Например, в работе Figueroa-Martínez и соавторов, изучавших эмоциональные связи жителей одного из районов Сантьяго (Чили), обнаружено, что чувства гордости и привязанности возникают, когда искусственная среда воспринимается как результат общих усилий и способствует взаимодействию. Напротив, стыд и страх связывались с упадком общественных пространств, которые интерпретировались как «симптомы» нежелательных социальных изменений [9]. Это перекликается с выводами Жигальцовой, выявившей потенциальные «конфликты эмоций»: заброшенные постройки становились для пожилых жителей источником стыда, а для туристов те же места — объектом интереса, что создавало напряжение [4]. Моральные эмоции играют ключевую роль: они могут становиться источником как внутренней солидарности, так и внешних конфликтов.

В столкновении логик обновления и сохранения сталкиваются два типа пространства: абстрактное пространство власти и капитала и конкретное, эмоционально переживаемое пространство повседневности.

Резюмируя, можно утверждать: эмоциональная география города требует столь же пристального внимания, как и его инженерная инфраструктура. Личная и коллективная «карты памяти» конструируются медленно, а разрушаются быстро. Задача урбаниста — не просто проектировать удобную среду, но и бережно обращаться с нематериальным багажом жителей. В конечном счете город становится домом не тогда, когда в нем есть всё необходимое, а когда в нем остается место для души.

Источники и литература

- 1) Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
- 2) Глазычев В. Л. Город без границ / В. Л. Глазычев. — Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2011. — 400 с.
- 3) Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. — Москва : Издательство «Ладья», 2000. — 280 с.
- 4) Жигальцова Т. В. Картографирование базовых и моральных эмоций пожилых жителей «депрессивных» территорий как один из инструментов предупреждения эмоциональных конфликтов // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 278–302.
- 5) Лефевр, А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. — Москва : Strelka Press, 2015. — 432 с.
- 6) Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — с. 17–50.

- 7) Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Елена Трубина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 520 с.
- 8) Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. — Москва : Новое издательство, 2007. — 348 с.
- 9) Figueroa-Martínez C., Muñoz Navarrete C., Rodríguez S., Ríos Peters R. People's affective bonds with place and the built environment in the deprived Santiago de Chile // *Emotion, Space and Society*. 2025. Vol. 57. November. Article 101123.